

Эта часть работы выложена в ознакомительных целях. Если вы хотите получить работу полностью, то приобретите ее воспользовавшись формой заказа на странице с готовой работой:

<https://studservis.ru/diplomnaya-rabota/334885>

Тип работы: Дипломная работа

Предмет: Журналистика

ВВЕДЕНИЕ 3

1. Политический диалог КНДР и КНР: динамика развития 8

1.1 Специфика формирования китайско-северокорейского политического диалога 8

1.2 Трансформация китайско-северокорейских политико-экономических отношений после 1992 года 16

1.3 Особенности политического диалога между КНДР и КНР на современном этапе развития 24

2. Медийное сопровождение политического диалога КНДР и КНР 34

2.1 Специфика медийной интерпретации китайско-северокорейского диалога в национальных СМИ 34

2.2 Основная информационная повестка в освещении политического диалога КНДР и КНР 44

2.3 Сравнительно-сопоставительный анализ освещения политического диалога в китайских и северокорейских СМИ 55

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 73

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 75

1.1 Специфика формирования китайско-северокорейского политического диалога

На протяжении десятилетий китайско-северокорейский альянс рассматривался как одно из самых тесных и важнейших звеньев в системе безопасности Восточной Азии. В то же время это одно из самых непрозрачных и неправильно понимаемых отношений. Общепринятое мнение заключается в том, что Китай является союзником Северной Кореи.

Две страны имеют схожую политическую систему и значительный стратегический интерес к региональным международным отношениям. Действительно, это в значительной степени верно. Но стратегические отношения между двумя странами за последние пятьдесят лет то ослабевали, то усиливались, постепенно разрушая связи, которые были налажены во время Корейской войны.

Связь, на которую многие указывают как на самую сильную и долговечную, существует между двумя вооруженными силами – Народно-освободительной армией (НОАК) и Корейской народной армией (КНА). Многие утверждают, что, по крайней мере, на военной арене Китай обладает значительными рычагами влияния на принятие решений Северной Кореей.

Они указывают на тот факт, что Китай выделял многочисленные силы для поддержки Северной Кореи в Корейской войне. Они свидетельствуют о многочисленных военных делегациях, которые десятилетиями курсировали между двумя столицами, особенно во времена высокой напряженности.

Отношения НОАК и северокорейской армии были заложниками общих стратегических отношений. На самом деле, две страны вряд ли могут договориться между собой по каким-либо вопросам, будь то идеологические, экономические или дипломатические. Это создает большую напряженность в отношениях и ограничивает влияние Китая. В лучшем случае военные отношения служат частью сотрудничества, которая связывает две страны воедино. Но со сменой поколений как в армии, так и среди политических лидеров, это сотрудничество становится слабее.

Китайско-северокорейские стратегические отношения на протяжении последних пятидесяти лет характеризовались сближением и расхождением. С самого начала это был непростой союз. В середине 1940-х годов Ким Ир Сен сплотился вокруг базирующихся в Китае группировок, чтобы добиться окончательного лидерства в Северной Корее.

Затем он провел чистку среди своих коллег, поддерживаемых Китаем, с помощью подготовленных в Советском Союзе кадров. Сделав это, он значительно оттеснил прокитайскую группу (фракцию Янань) в северокорейском руководстве и вызвал недовольство среди лидеров первого поколения Китая.

В это время КНА в значительной степени оставалась в стороне от политической борьбы, хотя и была бастионом китайского влияния. Когда КНА формировалась в 1940-х годах, в нее вошли десятки тысяч корейских солдат, которые сражались в Маньчжурии бок о бок с китайскими коммунистами против японцев. Это были стойкие, войска с китайским опытом, чье возвращение неизбежно подтолкнуло Северную Корею к

Китаю, с которым корейцев всегда связывала культурная близость.

Отношения «братьев по оружию» между Китаем и Северной Кореей укрепились во время Корейской войны. В течение трех лет китайские народные добровольцы (CPV) сражались бок о бок с северокорейскими войсками Ким Ир Сена.

В течение пяти лет после войны китайские войска оставались дислоцированными на Корейском полуострове, многие из них помогали в проектах реконструкции. Корейская война стала переломным событием в том смысле, так как она позволила наладить личные связи между лидерами НОАК и КНА. Подразделения Третьей и Четвертой полевых армий 4-й армии, дислоцированные на Корейском полуострове под командованием китайских народных добровольцев, возглавляемых Пэн Дэхуаем.

Структура командования CPV в том виде, в каком она существовала в 1950 году, включала: после войны 4-я полевая армия Линь Бяо расширила свое влияние в высшем командовании и на политической арене.

Шесть из девяти одного действительного члена 8-го Исполнительного Центрального комитета были выходцами из элиты 4-й полевой армии, еще двадцать пять членов руководства 4-й полевой армии были заместителями .

В Центральной военной комиссии (ЦВК) ветераны Корейской войны заняли важнейшие посты. Линь Бяо сохранил свое членство в комиссии, в то время как Пэн Дэхуай стал членом, отвечающим за повседневные дела, в 1954 году. В высшем командовании НОАК несколько человек, проходивших службу в Корее в течение следующих нескольких десятилетий, начали подниматься по служебной лестнице НОАК. Они были не только связаны с системой 4-й полевой армии, но и распределены по системам военного патронажа.

Хун Сюэчжи из Второй полевой армии служил заместителем командующего и одновременно начальником отдела материально-технического обеспечения КПВ, установив тесные связи как с Линь Бяо, так и с Пэн Дэхуаем. После службы в Корее он стал директором ЦВК. Такие офицеры, как Цинь Цзивэй (впоследствии министр национальной обороны) и Ю Тайчжун, после возвращения из Кореи получили повышение по службе в военных округах, попутно развивая свои собственные системы патронажа. Динамика отношений между гражданскими и военными в Северной Корее была совсем иной.

В отличие от Китая, где военные через свои системы патронажа пользовались влиянием на вопросы, связанные с военной сферой, северокорейская модель характеризовалась верховным лидером, который выступал в качестве арбитра и принуждающего к исполнению, тем самым притупляя влияние военных на процесс принятия решений. Это послужило как изоляции КНА от установления полномасштабных отношений с НОАК, так и подчинению КНА (даже в большей степени, чем НОАК) внутренней борьбе за власть в Пхеньяне.

Отношения между КНА и НОАК, сложившиеся во время Корейской войны, во многих отношениях препятствовали старшим генералам КНА в 1950-х годах. К 1958 году усилия Ким Ир Сена по искоренению фракционности дошли до военных. На Первой конференции представителей, якобы направленной на принятие Первого пятилетнего плана, Ким Ир Сен усилил свою атаку на фракцию Яньань. Было выдвинуто 5 утверждений о том, что «оппозиция» замышляет военный переворот в Пхеньяне.

Поскольку во фракцию Яньань входило много этнических корейцев, воевавших на стороне китайской Красной армии до 1945 года, она попала под подозрение. Яньаньские генералы, такие как Ким Вон Сул и Ким Унг, были заклеены в прессе как военные заговорщики. Последовавшая чистка лишила КНА многих ее прокитайских элементов, а также важнейших каналов связи с НОАК .

К началу 1960-х годов Северной Кореей управляла комбинация бывших партизанских лидеров и молодых технократов, которые сделали свою карьеру после освобождения и Корейской войны. Это были люди Кима. Уничтожение советской и яньаньской группировок освободило Ким Ир Сена от многих внутренних ограничений, накладываемых на его внешнюю политику. В течение следующих трех десятилетий это давало ему возможность маневрировать между Москвой и Пекином.

В начале 1960-х годов Северная Корея двинулась в сторону Китая. Китайско-северокорейский союз фактически был официально оформлен в июле 1961 года, когда две страны подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Это соглашение, которое является единственным официальным иностранным военным альянсом Китая, обязывало одну страну прийти на помощь другой в случае нападения.

В этот период в Китае борьба за власть внутри руководства привела к сокращению северокорейского экспертного механизма поддержки в верховном командовании НОАК. Дело Пэн Дэхуая в 1959 году, в котором утверждалось о создании «антипартийного военного клуба», возглавляемого бывшим главой КПВ, привело к увольнению Пэн и его замене Линь Бяо в качестве члена, отвечающего за повседневные дела. Несколько лет спустя двусторонние отношения рухнули, когда Китай начал культурную революцию. Во

время последовавшего идеологического угара Китай подверг критике своего бывшего «товарища по оружию» .

Пекин также обнародовал свои притязания на небольшую полосу северокорейской территории на китайско-корейской границе, предположительно в обмен на китайскую помощь в корейской войне. Любая поддержка НОАК Северной Кореи была приглушена, а военные линии связи еще больше сузились.

К концу 1960-х годов китайское руководство начало возобновлять свои связи с Северной Кореей, на что Ким Ир Сен согласился в попытке уравновесить чашу весов с Советским Союзом. Премьер Чжоу Эньлай в 1970 году стал первым китайским гостем высокого уровня в Пхеньяне с 1963 года, и обе стороны вновь упомянули о своей «скрепленной кровью военной дружбе». В следующем году северокорейская делегация во главе с начальником Генерального штаба О Чин У посетил Пекин и подписал первое китайско-корейское соглашение о военной помощи более чем за 15 лет.

В этот период военная помощь Китая Северной Корее достигла своего пика. Через два месяца после визита О НОАК снова потерял старейшину, имевшего связи с Северной Кореей, когда Линь Бяо предположительно погиб в авиакатастрофе в Монголии после того, как его заговор с целью убийства председателя Мао провалился. Любое беспокойство, которое северокорейское руководство могло испытывать в связи с беспорядками внутри китайского руководства, вероятно, усугубилось китайско-американским сближением в 1971 году и нормализацией китайско-японских отношений в 1972 году.

На протяжении оставшейся части 1970-х и 1980-х годов китайско-северокорейские отношения находились в ведении высшего политического руководства . В то время как НОАК и КНА поддерживали обычные контакты на более низких уровнях как нечто само собой разумеющееся, эти отношения не были каналом влияния.

Любые аргументы, которые НОАК (и в меньшей степени КНА) могла выдвинуть в отношении политики, были опровергнуты отношениями с «великим лидером». Это стало ясно в 1975 году, когда Ким Ир Сен посетил Китай, что стало его первым визитом с 1961 года. Во время встреч Мао отказался поддержать план преемственности Кима, который предполагал передачу власти Ким Чен Иру.

Мао подчеркивал, что в коммунистическом мире не было никакой семейной преемственности. Передача власти, основанная на семейном наследовании, нарушала коммунистические принципы. Кроме того, китайское руководство, очевидно, отвергло планы Кима добиться воссоединения Кореи силой, что, по его мнению, ставило под угрозу китайско-американское и китайско-японское согласие и, вероятно, увеличивало потребность Северной Кореи в советской военной технике.

Попытка Китая устранить разрыв в отношениях с Северной Кореей в 1980-х годах снова была в компетенции высшего руководства, хотя для прокладки пути использовались военные связи. В рамках стратегии Китая «единый фронт борьбы с гегемонией» премьер-министр Чжао Цзыян посетил Пхеньян в декабре 1981 года.

В апреле 1982 года Дэн Сяопин и Ху Яобан посетили Северную Корею в рамках празднования 70-летия Ким Ир Сена. Заместитель министра вооруженных сил Северной Кореи Пак Чон Гук посетил Китай в июне, за которым последовал визит министра обороны Китая Гэн Бяо в Северную Корею позднее в том же месяце. Эти военные визиты проложили путь к возобновлению китайско-северокорейских военных обязательств, ставших ощутимыми благодаря передаче Китаем 40 истребителей F-7 (улучшенная модель МиГ-21/FISHBED) Северной Корее, что стало первым новым самолетом Северной Кореи за последние 10 лет.

Дальнейшая помощь включала подводные лодки класса R, грузовые авианосцы Ан-2, корабельные ракеты «Шелкопряд» и корабельные ракеты класса «земля-поверхность». На этом этапе Дэн Сяопин взял на себя смелость устранить критическое препятствие на пути китайско-северокорейского сближения, а именно проблему преемственности. В сентябре 1982 года Ким Ир Сен и Ким Чен Ир посетили Китай .

В родном городе Дэна, Сычуани, Ким Ир Сен заявил о своей неспособности допустить, чтобы преемник назначил одного из своих сверстников своим очевидным наследником, поскольку это ввергло бы северокорейское руководство в хаос. Дэн в свою очередь оказал свою поддержку и понимание династической передаче власти.

Хотя это, возможно, во многом способствовало восстановлению отношений между Ким Ир Сенем и китайским руководством, это, как утверждается, не изменило основного отношения Ким Чен Ира к Пекину. В последующие годы он возглавил оппозиционное движение внутри северокорейского руководства по отношению к реформаторскому движению Дэна в Китае.

Таким образом, китайско-северокорейский политический диалог в период с 1970-х по 1980-е годы имел свои особенности и эволюцию. Начиная с конца 1960-х годов и вплоть до середины 1970-х годов, отношения между Китаем и Северной Кореей испытывали некоторые напряжения и разрывы. Внутренние беспорядки в

Китае, такие как культурная революция, а также сближение Китая с США и Японией, оказали негативное влияние на северокорейское руководство.

Китайская помощь Северной Корее достигла своего пика в этот период, но отношения на высшем политическом уровне оставались недостаточно прочными. Китайское руководство поддерживало обычные контакты на низшем уровне, но его позиция оставалась доминирующей. Визиты высших чиновников и военных деятелей Китая и Северной Кореи создавали основу для восстановления диалога, но проблема преемственности в северокорейском руководстве продолжала вызывать затруднения.

Ситуация начала меняться в 1980-е годы, когда китайское руководство приняло решение активно преодолевать разрывы и укреплять отношения с Северной Кореей. Военные связи стали одним из способов для прокладки пути к сближению.

Визиты высокопоставленных чиновников и обмен военными посещениями способствовали восстановлению военных обязательств и обмену военной помощью. Особую роль в этом процессе сыграли премьер-министр Чжао Цзянь, Дэн Сяопин и Ху Яобан, которые совершили визиты в Северную Корею и выразили поддержку и понимание северокорейскому руководству.

1.2 Трансформация китайско-северокорейских политико-экономических отношений после 1992 года

К концу 1980-х годов военная помощь Китая прекратилась, поскольку его вооружение было недостаточно совершенным, чтобы соответствовать программе модернизации вооружений Северной Кореи. Именно в этот период китайское руководство реорганизовало СМС, сократив его численность и оптимизировав его организацию.

Реформы были направлены на восстановление старых механизмов и границ с целью достижения консенсуса в отношении политики и уменьшения фракционной политики внутри высшего командования. Модель децентрализации, при которой членство было распространено на командиров уровня военного округа, была заменена моделью централизации, при которой членство в СМС было доступно только высшим руководителям НОАК и главам общих департаментов.

Эта реструктуризация, хотя и имела смысл с бюрократической точки зрения, вероятно, способствовала сокращению потока уникальной информации о Северной Корее, поступающей к высшим китайским лицам, принимающим решения, а именно от офицеров военного округа Шэньян, который контролирует китайско-северокорейскую границу.

В 1990-е годы наблюдалось улучшение китайско-северокорейских военных связей. Стремление Пекина усилить свое влияние на поведение Северной Кореи в переходный период в «Королевстве отшельников», а также желание Пхеньяна использовать Китай в качестве оплота против американо-южнокорейско-японского альянса проложили путь к более тесным отношениям на стратегическом уровне.

На оперативном уровне все большее принятие Ким Чен Ир формальной власти к 1992 году в сочетании с его нежеланием покинуть страну подтолкнуло двусторонние отношения вперед в качестве альтернативы дипломатии его отца. НОАК начала продвигать военные отношения в 1991 году через ассоциацию КПВ-КНА и Департамент Генерального штаба. Первые делегации КНА (возглавляемые военачальниками второго и третьего эшелонов) были приняты высокопоставленными руководителями НОАК, такими как генерал Дж. Чи Хаотянь (начальник управления Генерального штаба).

В том же году Ким Ир Сен принял делегацию ВМС НОАК во главе с ее командующим ВМФ Чжан Ляньчжуном. Северокорейская армия также использовала эти делегации в качестве операций по сбору разведывательной информации о внешнем мире. Это совпадало с мышлением НОАК.

Одним из аргументов НОАК в пользу укрепления военных отношений было желание помочь северокорейской армии лучше понять внешний мир в надежде, что это сделает ее более восприимчивой к китайскому влиянию. Это было бы достигнуто за счет тщательно организованного вовлечения руководства КНА в расширяющийся диалог, который со временем расширил бы его горизонты.

После ухудшения отношений в результате китайско-южнокорейской нормализации в 1992 году, что привело к резкому сокращению военных связей до визитов представителей военных академий и КПВ, к 1996 году отношения НОАК-КНА охватывали широкий спектр контактов:

- обмены на высоком уровне;
- визиты региональных командиров; функциональный военный диалог между бюро иностранных дел (особенно министерствами обороны), должностными лицами, занимающимися материально-техническим обеспечением и оборудованием;
- визиты доброй воли военной академии/СРВ и посещения портов кораблями ВМС.

НОАК подчеркнула важность этого канала, учитывая сопротивление, которое Ким Чен Ир проявил в середине 1990-х годов полному открытию политико-дипломатических каналов, отвергая китайские предложения о проведении саммита до 2000 года, когда он посетил Пекин, за которым последовала поездка Цзян Цзэминя в Пхеньян в 2001 году.

С точки зрения НОАК, она пыталась наладить сбалансированные отношения с КНА, но встретила большое сопротивление. Встречи НОАК-КНА, за несколькими заметными исключениями, кажутся скорее символическими, чем ориентированными на конкретные задачи или предоставляющими площадки для обсуждения военных вопросов и вопросов безопасности на Корейском полуострове.

Исключения, как правило, возникают во времена напряженности, когда разъяснение и передача важной информации являются неотложным предварительным условием. Это произошло в октябре 1991 года, когда О Чин У посетил Пекин, чтобы провести переговоры с высокопоставленными чиновниками НОАК о распаде Советского Союза. Эта поездка подготовила почву для визита Ким Ир Сена с целью заручиться помощью Китая в восполнении потери советской экономической и военной поддержки.

И снова в 1994 году начальник Генерального штаба КНА Чхве Кван встретился с китайскими военными и политическими лидерами, включая Цзян Цзэминя, чтобы обсудить стратегию в отношении ядерных переговоров с Соединенными Штатами. Китай также использовал эту встречу как способ донести до северокорейского руководства сообщение о том, что Китай недоволен тем, как Северная Корея отреагировала на инспекции МАГАТЭ, и считает, что кризис должен быть разрешен мирным путем. НОАК также пришлось бороться с китайской бюрократией, чтобы добиться ощутимого влияния на северокорейские проблемы. Несколько институтов проявляют интерес к Северной Корее, и они не обязательно разделяют схожее видение. Это часто приводит к дискуссиям о наилучшем подходе. По-видимому, существует намеренный раскол в дипломатическом подходе к Северной Корее, в соответствии с которым Министерство иностранных дел тщательно охраняет свой портфель на четырехсторонних (а позднее и шестисторонних) переговорах. Представительство НОАК на этих переговорах отсутствовало.

Его основные источники информации о северокорейских делах, по-видимому, поступают через специальные рабочие группы в руководящих структурах, где собираются северокорейские специалисты из всех секторов правительства (Министерство иностранных дел, КПК и НОАК) для обсуждения важнейших вопросов. Вероятно, именно по этому каналу, который, по-видимому, ориентирован на решение проблем, передается большая часть информации НОАК, собранной в результате ее прямых военных связей. Опасность, которая была озвучена несколькими китайскими собеседниками, заключается в том, что Северная Корея может получать противоречивую информацию из Китая (по каналам МИД и НОАК) по вопросам безопасности. Тенденция во взгляде Китая на Северную Корею привлекла внимание одного заинтересованного стороннего наблюдателя. Скорее всего, она смирилась с эфемерным характером своих рычагов влияния на процесс принятия решений в Северной Корее и с тех пор отказалась от желания расходовать политический капитал на защиту своего непокорного союзника.

В то же время Китаю было предоставлено больше возможностей оказывать непосредственное влияние на северокорейское руководство, поскольку Пхеньян подвергается растущему международному давлению. С 2000 года количество саммитов резко возросло, поскольку Северная Корея обращалась за советом и пониманием стратегии США в отношении ядерной проблемы.

Ким Чен Ир совершил три поездки в Китай, последняя из которых состоялась в апреле 2004 года, в ходе которой основное внимание уделялось шестисторонним переговорам и намерениям США на полуострове. Высказывались предположения, что Ким добивался от Китая гарантий того, что США не стал бы предпринимать военное нападение; это то, что он мог бы использовать, чтобы убедить сторонников жесткой линии внутри КНА принять более гибкую стратегию ведения переговоров по ядерному вопросу. Отношения между НОАК и КНА изменились за последние два десятилетия. В 1980-х и 1990-х годах опыт НОАК в Северной Корее трансформировался из рядов революционных старейшин в последнее поколение, знавшее о Корейской войне из первых рук.

Изучение всех трех общих департаментов за этот период показывает карьерный рост во время Корейской войны, хотя и с разным уровнем плотности. Руководство Главного политического управления плохо относилось к корейским ветеранам. Ян Байбин не служил в Корее. Однако один из его главных заместителей, Ю Енбо, который позже стал главой GPD, служил в 4-й полевой армии и участвовал в Корейской войне в составе 42-го корпуса.

Опыт Корейской войны был гораздо более распространен в Генеральном штабе и отделах общего материально-технического обеспечения (GSD, GLD). Связи GSD, по-видимому, были связаны с системами

патронажа Третьей и Пятой полевых армий. Чи Хаотянь, ветеран Третьей полевой армии, был политическим инструктором в 27-м корпусе во время войны, а позже стал начальником Генерального штаба и министром национальной обороны. Вэй Цзиньшань также вышел из системы Третьей полевой армии и служил заместителем начальника оперативного отдела/подготовки на уровне дивизии, прежде чем начать карьеру, в ходе которой он стал политическим комиссаром военно-морского флота НОАК .

Сюй Синь, заместитель начальника Генерального штаба при Чи, был ветераном Пятой полевой армии Ян Дэжи и командовал дивизией во время Корейской войны. Позже он стал заместителем Генерального прокурора, ответственным за разведку, стратегию и операции. В то время как Чжан Ваньянь, возглавлявший GSD в начале 1990-х годов, не служил в Корее, его преемник Фу Цюань Ю был командиром батальона.

Линии патронажа GLD были привязаны ко 2-й, 3-й, 4-й полевым армиям. Чжао Наньци, который был директором GLD в конце 1980-х и начале 1990-х годов, был этническим корейцем и входил в штат Хон Сюэчжи, который отвечал за создание инфраструктуры CPV в начале Корейской войны. Ван Кэ, занимавший пост директора GLD до 2002 года, был командиром батальона, а затем одновременно командиром и начальником штаба артиллерийского полка в Корее. Он также служил командующим Шэньянским военным округом и возглавлял делегации НОАК в Северной Корее.

В других службах (ВМС и ВВС НОАК) системы патронажа, связанные с опытом Корейской войны, были более слабыми. Ван Хай, который был отцом фракции PLAAF в верховном командовании до начала 1990-х годов, с отличием служил в Корее в качестве пилота-истребителя. Он возглавлял последнюю делегацию PLAAF в Пхеньяне в 1987 году. Ни Лю Хуацин, ни Ляньчжун, покровители фракции «План», не служили в Корее. Связи ПЛАНА с Корейской войной были на более низких уровнях, в окружении членов второго и третьего эшелонов, таких как Вэй Цзиньшань .

Последняя делегация PLAN в Северную Корею была направлена в 1996 году и возглавлялась вице-адмиралом. Ван Цзиин (командующий флотом Северо-Китайского моря). В Центральной военной комиссии опыт Корейской войны существовал во втором эшелоне. Ян Шанкун провел Корейскую войну в аппарате СМС в качестве его генерального секретаря.

Однако один из его главных заместителей, Ли Цзиджун, провел годы своего становления в НОАК во время Корейской войны в составе КПВ. В 1980-х годах Ли возглавлял отдел политических исследований Главного управления СМС, который он использовал для публикации статей, пропагандирующих новую стратегию локальной войны, под патронажем Ян Шанкуна и Чжао Цзыяна.

Нынешнее руководство НОАК демонстрирует меньший опыт, связанный с Северной Кореей. Это поколение, выросшее после Культурной революции, и чей оперативный опыт восходит к конфликту во Вьетнаме и на площади Тяньаньмэнь, а не к Корейской войне. Эта смена поколений подчеркивается членством в СМС. Го Боксионг (заместитель председателя СМС), Лян Гуанли (глава GSD) и Ляо Силун (директор GLD) – все они участвовали в войне 1979 года с Вьетнамом. Все трое также служили в политически чувствительных военных округах, но, за исключением Ляна, который в 1997-99 годах был командующим Шэньянским военным округом, ни один из них, по-видимому, не обладает глубокими знаниями о Северной Корее . Ли Цзинай (директор GAD) и Цао Гангчуань (министр национальной обороны) всю свою карьеру проработали в центральном военном аппарате на должностях, которые не позволяли им соприкасаться с вопросами, связанными с Северной Кореей. Сюй Цайхоу (директор GPD), с другой стороны, имеет прочные связи с военными округами, проведя значительную часть своей карьеры в военных округах Цзинань и Шэньян, прежде чем поступить в GPD.

Он, по-видимому, является представителем СМС в Северной Корее, посетив Пхеньян в августе 2003 года, когда добивались возобновления трехсторонних переговоров между США, Китаем и Северной Кореей и шестисторонних переговоров, к которым присоединились бы Россия, Южная Корея и Япония. Тот факт, что Сюй считается протеже Цзян Цзэмина, добавил бы веса в глазах северокорейского руководства, которое по-прежнему предпочитает, чтобы отношения с Китаем сохранялись на уровне руководства.

В рамках GSD генерал Сюн Гуанкай (заместитель начальника разведки), по-видимому, имел больше всего контактов с руководством КНА. Его отношения с Северной Кореей восходят, по крайней мере, к 1998 году, когда он возглавлял делегацию НОАК в Пхеньяне. Министерство национальной обороны поддерживало военные контакты с КНА через свое управление иностранных дел, которое в настоящее время возглавляет генерал-майор. Чжан Бандун.

Контакты на уровне службы ограничены и, по-видимому, осуществляются по линии политических комиссаров. Контакты на региональном уровне также ограничены. Случайные визиты командиров и заместителей командиров Шэньянского военного округа не были встречены взаимностью. Полевые

командиры КНА не выезжают за границу.

С северокорейской стороны связи КНА с Китаем непрозрачны. Чо Мен Нок и Ким Ир Чхоль, оба заместители председателя Национальной комиссии обороны, посетили Китай. Чо, по-видимому, является проводником большинства дискуссий на высоком уровне в Пекине, в то время как он и Ким разделили обязанности по приему делегаций НОАК в Пхеньяне.

Они могут лоббировать, а могут и не лоббировать определенную политику в отношении отношений КНДР с Китаем. Ким Санг Ик, заместитель министра Министерства народных вооруженных сил, генерал-полковник Йи Пхен Сам, генерал Ким Чон Ги, генерал Ким Чин Бом и генерал Ким Чонсик, были названы ведущими защитниками Китая в КНА .

Таким образом, преобладающее поколение китайских военных и политических деятелей, имеющих прямой опыт Корейской войны, оказывает значительное влияние на формирование политики в отношении Северной Кореи. Это поколение, выросшее после Культурной революции, воспитанное во время конфликта во Вьетнаме и на площади Тяньаньмэнь, имеет ограниченные знания о Корейской войне и ограниченный оперативный опыт в отношении Северной Кореи.

Внутренние структуры и организационные механизмы Китая, такие как Центральная военная комиссия (СМК) и различные военные службы (GLD, GSD, GPD, GAD), играют важную роль в поддержании связей с Северной Кореей. Руководство КНДР поддерживает контакты на высоком уровне через делегации НОАК и высокопоставленных представителей, таких как заместители председателя Национальной комиссии обороны.

Роль личных связей и сетей северокорейских и китайских политиков и военных деятелей не может быть недооценена. Ряд отдельных лиц, таких как Чжао Наньци и Ван Цзиин, обладают значительным опытом и контактами с Северной Кореей, что позволяет им играть важную роль в развитии отношений между двумя странами.

1.3 Особенности политического диалога между КНДР и КНР на современном этапе развития

Северная Корея граничит с Китаем, и Китай играет важную роль в экономическом росте Северной Кореи. Особенно после распада Советского Союза Северной Корее пришлось полагаться на экономическую помощь Китая, поскольку в противном случае Северная Корея не смогла бы сохранить свою политическую систему. Но это не односторонние отношения.

Китаю нужна спокойная обстановка в Восточной Азии, чтобы он мог проводить свою внутреннюю и международную политику. Таким образом, экономическая помощь Северной Корее является экономической ценой, которую Китай несет для развития собственной экономики и обеспечения своей безопасности по отношению к США. Соответственно, экономическая помощь Китая Северной Корее является силой, которая сближает два, потому что это преимущество для Китая .

Что касается социалистической идеологии, Северная Корея негативно относится к политике экономических реформ Китая. Тем не менее, Китай продолжает оказывать экономическую помощь Северной Корее, поскольку их взаимозависимые отношения в сфере национальной безопасности и экономические связи важнее для Китая, чем то, разделяют ли они социалистическую идеологию.

Си Цзиньпин занял пост генерального секретаря Коммунистической партии Китая на 18-м Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая в ноябре 2012 года. Он был избран президентом Китайской Народной Республики на Всекитайском собрании народных представителей в марте 2013 года. В Северной Корее, Ким Чен Ын стал председателем Трудовой партии Кореи в апреле 2012 года. Таким образом, Китай и Северная Корея установили новых лидеров примерно в одно и то же время.

Северная Корея провела испытания баллистической ракеты 12 декабря 2012 г., а резолюция 2087 Совета Безопасности ООН, единогласно принятая 22 января 2013 г., ввела новые санкции и ужесточила существующие санкции против Северной Кореи. После третьего ядерного испытания 12 февраля 2013 г., после испытаний в 2006 и 2009 гг., Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию 2094 7 марта 2013 г. «Единогласно» означает, что Китай проголосовал за резолюцию .

Позиция Китая в отношении ядерных ракет Северной Кореи ясна. Он не приемлет обладания Северной Кореей ядерным оружием и привержен активному участию в международных усилиях, направленных на то, чтобы убедить Северную Корею отказаться от него.

Китай считает, что агрессия на Корейском полуострове совершенно неприемлема, и, поскольку он рассматривает ракетно-ядерную проблему в основном как вопрос между Северной Кореей и США, его позиция заключается в том, что Северная Корея и США должны вести прямые переговоры для решения

этого вопроса.

Самым важным событием в отношениях между Китаем и Северной Кореей с начала правления Ким Чен Ына была позиция Китая в отношении ракетных испытаний, проведенных Северной Кореей в апреле и декабре 2012 года. Эти испытания были заявлением Северной Кореи о том, что она имеет такое же право, как и членов международного сообщества заниматься освоением космического пространства и что это право связано с их суверенитетом.

В ответ Китай признал, что, хотя Северная Корея имеет право на использование космического пространства в мирных целях, это право ограничено резолюциями Совета Безопасности ООН и другими решениями.

Северная Корея придерживалась позиции, согласно которой право на освоение космического пространства не должно ограничиваться резолюциями Совета Безопасности ООН, а несколькими годами ранее, когда она использовала те же доводы для оправдания запуска ракеты в апреле 2009 г.

Китай возражал против резолюцию Совета Безопасности и вместо этого настаивал на заявлении Председателя Совета Безопасности. Однако на этот раз, когда Северная Корея испытала ракету и использовала тот же аргумент, что и при запуске спутника, Китай впервые поддержал резолюцию Совета Безопасности. В глазах Северной Кореи действия Китая были предательством их традиционных связей. 7 мая 2013 года Банк Китая объявил о прекращении операций с Банком внешней торговли Корейской Народно-Демократической Республики и закрытии его счета. В июле 2014 г. Си Цзиньпин посетил Южную Корею с официальным визитом. Это был первый визит китайского лидера в Южную Корею перед поездкой в Северную Корею и явный отход от традиционных китайско-северокорейских отношений.

Тем временем в Северной Корее в декабре 2013 года был казнен Чан Сон Тхэк, чиновник, установивший тесные отношения с Китаем во времена Ким Чен Ира, поскольку Ким Чен Ын пытался положить конец ранее существовавшим отношениям между Китаем и КНДР. Таким образом, отношения между Пекином и Пхеньяном при Си Цзиньпине и Ким Чен Ыне начались с того, что оба лидера пытались отойти от своих традиционных отношений.

Отличительной чертой политического подхода Си Цзиньпина к Корейскому полуострову было увязывание отношений между Китаем и Северной Кореей и Китаем и Южной Кореей и разработка дипломатической политики для Корейского полуострова в целом с целью продвижения интересов его национальной безопасности по отношению к Соединенные Штаты.

В Южной Корее Пак Кын Хе победила на президентских выборах в декабре 2012 года. Ее администрация началась в феврале 2013 года, примерно в то же время, когда Си Цзиньпин и Ким Чен Ын сами пришли к власти. Во время своего визита в Китай с 27 по 30 июня 2013 года Пак подчеркнула стратегическое сотрудничество между Южной Кореей и Китаем.

Что привлекло особое внимание во время ее визита, так это то, что она сигнализировала о возможности того, что Южная Корея и Китай обсудят объединение Корейского полуострова. Для Северной Кореи это было еще одним предательством со стороны Китая.

Си и Пак продолжали встречаться, и в июле 2014 года Си совершил официальный визит в Южную Корею. Чуть больше года спустя, 3 сентября 2015 года, Пак посетила военный парад в Пекине, посвященный 70-летию победы над Японией.

На следующий день она посетила здание, которое раньше занимало Временное правительство Республики Корея в Шанхае. Здание было отремонтировано, работа, которая заняла два года, при этом Китай оплатил весь счет в размере около 77 миллионов иен за работу.

Внутри находилась выставка, рассказывающая о совместной борьбе Временного правительства и Коммунистической партии Китая против японцев. Временное правительство Республики Корея было правительством в изгнании, основанным в Шанхае в 1919 году Ким Гу и другими активистами за независимость Кореи, и современная Южная Корея использует Временное правительство, чтобы заявить о легитимности своей власти.

По этой причине Северная Корея рассматривала благосклонное отношение Коммунистической партии Китая к Временному правительству как серьезный отход от традиционных отношений между Китаем и Северной Кореей.

Для Северной Кореи политика США в отношении Ближнего Востока также имела важные последствия для ее политики в отношении Северной Кореи. Замечание Обамы о том, что США не являются мировым полицейским, вероятно, привело Пхеньян к выводу, что угроза военных действий США против него исчезла. Меньший интерес к Северной Корее со стороны США позволил бы Северной Корее действовать независимо от Китая, и в результате отношения между Пекином и Пхеньяном охладели.

Вторая причина заключалась в том, что Северная Корея добилась дальнейшего прогресса в разработке

ядерного оружия и баллистических ракет. Это сделало его менее зависимым от Китая в отражении угроз со стороны США, что также отдалило Пекин и Пхеньян.

Третья причина заключалась в том, что взаимозависимые экономические отношения между Китаем и Северной Кореей стали еще крепче. Как отмечалось ранее, Китай продолжал помогать Северной Корее, потому что хотел для себя стабильной среды.

Северная Корея стала более экономически зависимой от Китая, поскольку Китай активно инвестировал в разработку подземных ресурсов Северной Кореи и другие проекты. В результате Китай приобретал все больше интересов в Северной Корее, тем самым усиливая экономическую взаимозависимость.

Кроме того, три самые северные провинции Китая активно инвестировали в Северную Корею и торговали с ней, что привело к региональной взаимозависимости, которая иногда выходила из-под контроля центрального правительства.

Несмотря на то, что Северная Корея была экономически более зависима от Китая, все более сильная экономическая взаимозависимость между ними означала, что Китай не мог использовать это для оказания политического давления на Северную Корею.

1. Асмолов, К. В. Взаимоотношения в китайско-корейском «треугольнике» / К. В. Асмолов // Проблемы Дальнего Востока. – 2019. – № 2. – С. 4-20.
2. Асмолов, К. В. Год отношений КНР и государств Корейского полуострова: с весны 2017 по весну 2018 г / К. В. Асмолов // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура 2017-2018. – Москва : Издательство «Форум», 2018. – С. 336-346.
3. Асмолов, К. В. Китай и Северная Корея: проблемы и перспективы взаимоотношений / К. В. Асмолов // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – № 4. – С. 25-36.
4. Асмолов, К. В. КНР и государства Корейского полуострова / К. В. Асмолов // КНДР и РК-70 лет : Коллективная монография. – Москва : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2018. – С. 101-115.
5. Асмолов, К. В. Начало нового этапа китайско-северокорейских отношений (2018-2020 гг.) / К. В. Асмолов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2020. – Т. 25, № 25. – С. 243-261.
6. Астапов М. Б., Бондаренко О. А. Структура и оформление бакалаврской, дипломной, курсовой работ и магистерской диссертации: учебно-методические указания / – Краснодар: КубГУ 2016.
7. Афанасьев, В. В. Методология и методы научного исследования [Электронный ресурс]: учебное пособие ПЛЯ бакалавриата, и магистратуры / В. В. Афанасьев, О. В. Грибкова Л. И. Уколова. - М.: Юрайт, 2018. - 154 с.
8. Безрученко, М. Е. Анализ деятельности КНР в качестве одного из регуляторов межкорейских отношений / М. Е. Безрученко, Т. Н. Букреева // Будущее науки-2020. – 2020. – С. 123-125.
9. Биктимиров, К. В. Китайско-Северокорейские отношения и позиция Китая по вопросу денуклеаризации Корейского полуострова / К. В. Биктимиров // Молодежные политологические чтения. – 2022. – С. 124-131.
10. Ванин Ю. В. Советский Союз и Северная Корея. – 2016.
11. Вакс, Р. В. Развитие экономического и политического взаимодействия Китая и КНДР под воздействием международных санкций / Р. В. Вакс // Известия Восточного института. – 2018. – № 4(40). – С. 42-53.
12. Васильев, П.А. Отношения СССР и России с Северной Кореей / П.А. Васильев // The Newman in Foreign policy. – 2020. – №54 (98). – С. 75-77.
13. Вознесенский, В. Е. Диалог на равных с КНДР как решение проблемы корейского полуострова / В. Е. Вознесенский, Н. В. Котляр, В. Н. Федорин // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2018. – Т. 10, № 1(40). – С. 68-83.
14. Забровская, Л. В. Китай и КНДР: курс на сохранение регионального статус-кво / Л. В. Забровская // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – № 6. – С. 26-33.
15. Иванов, А. Ю. Проблема формирования современной границы между КНДР и КНР / А. Ю. Иванов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2020. – Т. 34. – С. 90-98.
16. Иванова, К. Н. Китайский фактор в российско-северокорейских отношениях / К. Н. Иванова, Н. Ю. Гусевская // Россия - Китай: развитие регионального сотрудничества в XXI веке. – 2021. – С. 114-123.
17. История Кореи / В. С. Хан. — Ташкент: «Baktria press», – 2013. – 128 с.
18. Ковтун, О. И. Современные внешнеэкономические отношения Южной Кореи и Китая / О. И. Ковтун, Д. И. Дукова, М. В. Родькина // Сборник статей III Международного научно-исследовательского конкурса. – 2018. – С. 110-114.

19. Колисниченко А. В. Практическая журналистика [Электронный ресурс] // Евартист.Народ - 2008.
20. Курбанов, С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в : монография / С. О. Курбанов. — 4-е изд. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2022. — 744 с.
21. Курбанов, С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в / С. О. Курбанов. — 3-е изд., испр. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2018. — 744 с.
22. Ланцова, И.С. Эволюция отношений КНР и КНДР в конце XX - начале XXI в / И.С. Ланцова // ПОЛИТЭКС. - 2014. - №3. - С. 249-259.
23. Логиновский, Е. Л. Кризисный этап отношений КНР и КНДР в отражении северокорейской гуманитаристики (2014-2017) / Е. Л. Логиновский // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее 2021. - 2022. - С. 272-282.
24. Логиновский, Е. Л. Северокорейские свидетельства контактов Ким Ир Сена с КНР: смена акцентов в 1992-2019 гг / Е. Л. Логиновский // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. - 2020. - С. 371-381.
25. Мосолова Д. О. Особенности взаимоотношений КНДР и Республики Корея политико-культурные и информационные аспекты. - 2017.
26. Новиков, Ю.Н. Подготовка и защита бакалаврской работы, магистерской диссертации, дипломного проекта [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Ю. Н. Новиков. - 2-е изд., стер. - Санкт-Петербург: Лань, 2017. - 32 с.
27. Об информации, информационных технологиях и о защите информации. Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ. [Электронный ресурс] // Консультант - 2006.
28. О средствах массовой информации. Закон РФ от 27.12.1991 №2124-1. [Электронный ресурс] Консультант - 1991.
29. Поленова, А.Л. Внешняя политика КНДР в децентрализованной системе международных отношений / А.Л. Поленова // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. - 2020. - №7. - С. 124-132.
30. Пугачева, О. С. Публичная дипломатия как инструмент северокорейской политики США / О. С. Пугачева // Проблемы Дальнего Востока. - 2020. - № 4. - С. 42-57.
31. Савтырева, А. А. Китайская Народная Республика как медиатор в международных политических процессах: Северокорейская проекция / А. А. Савтырева, Л. Р. Погосян // Вестник современных исследований. - 2018. - № 12.8(27). - С. 318-321.
32. Толстокулаков, И.А. Идеология национально-освободительного движения Кореи в период японского протектората / И.А. Толстокулаков // Известия Восточного института. - 2012. - №2. - С. 60-71.
33. Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи. - 2011.
34. Тюдор Д., Пирсон Д. Северная Корея изнутри. Черный рынок, мода, лагеря, диссиденты и перебежчики. - 2018.
35. Удавихина, М.А. Капсинский переворот 1884 г. И тяньцзиньский договор 1885 г. : предпосылки и последствия / М.А. Удавихина // Вестник науки и образования. - 2018. - №8 (44). - С. 38-41.
36. Хань, Ю. Политика обновления отношений КНР со странами Корейского полуострова / Ю. Хань // Международные отношения: история, теория, практика. - 2021. - С. 72-75.
37. Bitter Allies: China and North Korea. - URL: <https://asiasociety.org/new-york/events/bitter-allies-china-and-north-korea> (дата обращения: 28.04.2023).
38. Cankao Xiaoxi. - URL: <https://www.cankaoxiaoxi.com/> (дата обращения: 28.04.2023).
39. CCTV News. - URL: <https://english.cctv.com/> (дата обращения: 28.03.2023).
40. China and North Korea Battle It Out in the Press. - URL: <https://www.theatlantic.com/news/archive/2017/05/an-unlikely-media-battle-between-china-and-north-korea/525342/> (дата обращения: 28.04.2023).
41. China Daily. - URL: <https://www.chinadaily.com.cn/> (дата обращения: 28.03.2023).
42. China media: Analysing North Korea. - URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-22119578> (дата обращения: 28.04.2023).
43. China Reaffirms Tradition: DPRK Friendship and Recovery of South Korean Ties. - URL: <https://cc.pacforum.org/2019/01/china-reaffirms-tradition-dprk-friendship-and-recovery-of-south-korean-ties/> (дата обращения: 28.04.2023).
44. China Relations Key to Situation in North Korea. - URL: <https://thedi diplomat.com/2022/12/china-relations-key-to-situation-in-north-korea/> (дата обращения: 28.04.2023).
45. China should abandon North Korea. - URL: <https://www.ft.com/content/9e2f68b2-7c5c-11e2-99f0-00144feabdc0> (дата обращения: 28.04.2023).
46. China-North Korea Relations. - URL: <https://www.ncnk.org/resources/briefing-papers/all-briefing-papers/china-north-korea-relations> (дата обращения: 28.04.2023).

47. China's Coverage of North Korea Is Bizarrely Glowing. – URL: <https://www.thedailybeast.com/chinas-coverage-of-north-korea-is-bizarrely-glowing> (дата обращения: 28.04.2023).
48. Chinese-North Korean Relations: Drawing the Right Historical Lessons. – URL: <https://www.wilsoncenter.org/article/chinese-north-korean-relations-drawing-the-right-historical-lessons> (дата обращения: 28.04.2023).
49. Debating North Korea: US and Chinese perspectives. – URL: <https://www.brookings.edu/articles/debating-north-korea-us-and-chinese-perspectives/> (дата обращения: 28.04.2023).
50. Global Times. – URL: <https://www.globaltimes.cn/> (дата обращения: 28.03.2023).
51. Kim Jong Un Issues Statement On Trump: 'A Frightened Dog Barks Louder'. – URL: <https://www.npr.org/sections/thetwo-way/2017/09/21/552756716/kim-jong-un-issues-statement-on-trump-a-frightened-dog-barks-louder#:~:text=In%20the%20message%2C%20Kim%20starts,A%20frightened%20dog%20barks%20louder.%22> (дата обращения: 28.04.2023).
52. Korean Central News Agency (KCNA). – URL: <https://kcnawatch.org/> (дата обращения: 28.03.2023).
53. North Korea factories humming with 'Made in China' clothes, traders say. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-northkorea-labour-china-insight-idUSKBN1AT00Q> (дата обращения: 28.04.2023).
54. People's Daily. – URL: <http://en.people.cn/> (дата обращения: 28.03.2023).
55. Pyongyang Times. – URL: <http://www.pyongyangtimes.com.kp/> (дата обращения: 28.03.2023).
56. Rodong Sinmun. – URL: <http://www.rodong.rep.kp/en/> (дата обращения: 28.03.2023).
57. Sino-North Korean Military Relations: Comrades-in-Arms Forever. – URL: <https://rusi.org/publication/sino-north-korean-military-relations-comrades-arms-forever> (дата обращения: 28.04.2023).
58. The China-North Korea Relationship. – URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/china-north-korea-relationship> (дата обращения: 28.04.2023).
59. What One Photo Tells Us About North Korea's Nuclear Program. – URL: <https://www.wilsoncenter.org/article/chinese-north-korean-relations-drawing-the-right-historical-lessons> (дата обращения: 28.04.2023).
60. Xinhua News Agency. – URL: <https://english.news.cn/> (дата обращения: 28.03.2023).
61. Xinhua. – URL: <https://english.news.cn/> (дата обращения: 28.04.2023).
62. Frohman B., Rafaelof E., Dale-Huang A. The China-North Korea Strategic Rift: Background and Implications for the United States // U.S.-China Economic and Security Review Commission. – 2022. – P. 1-21.
63. Hinck R.S., Cooley S.C. North Korean Media Penetration and Influence in Chinese and Russian Media: Strategic Narratives During the 2017–2018 Nuclear Confrontation // International Journal of Communication. – 2020. – P. 1331–1352.
64. Nah S., Seo S. Talking With the Hermit Regime: North Korea, Media, and Communication // International Journal of Communication. – 2020. – P. 1303–1307.

Эта часть работы выложена в ознакомительных целях. Если вы хотите получить работу полностью, то приобретите ее воспользовавшись формой заказа на странице с готовой работой:

<https://stuservis.ru/diplomnaya-rabota/334885>